

ГОД ПОД ЗНАМЕНЕМ СОВЕТОВ

Год назад наша героическая Красная Армия протянула братскую руку помощи и освободила от гнета польских помещиков и капиталистов народ Западной Белоруссии, осуществив их многолетнюю мечту. Выразив единую волю масс, Народное собрание Западной Белоруссии провозгласило установление советской власти. Братские народы навсегда объединились в единой семье народов СССР.

Прошел всего лишь один год, а какие произошли громадные перемены! Пролетарские силы, ранее сжатые капиталистическими цепями, получили возможность свободного развития. Миллионы трудящихся приобрели в общественном, политическом и культурном отношении и развивают колоссальную социальную работу. Культура и искусство, растопленные сапогом польских панов, возродились и получили условия для полного своего расцвета.

Непокорный гнет в бывшей польской Польше пытались на себе националистические монархисты. В подавлении их прав, в извешивании над ними палачья вилки Польша переделала даже парских сапорогов. Особо жестоко угнеталось белорусское, украинское население. Пускались в ход все средства: голодовки, преследование религиозных, закрытие школ и других культурных учреждений, карательные экспедиции, аресты, тюрьмы, погромы и расстрелы.

Только под знаменем советской борьбы плескались все националистические пережитки. В своей истории они получили возможность, как равные среди равных, на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции избирать своих представителей в высшие органы власти социалистического государства.

Выборы в Верховные Советы СССР и БССР прошли под знаком огромной политической и творческой активности широких масс населения. Трудящиеся западных областей единодушно голосовали за верных сынов и дочерей народа. Среди избранных или депутатов Верховных Советов — бывший батрак, пламенный революционер Сергей Осипович Штыцкий, бывший батрак Золотая Павлина Скобля, народный учитель Антон Семенович Малешич, инженер Иван Антонович Турбицкий, текстильщица Мария Белостокская Петровская.

Трудящиеся западных областей волею судьбы, что советская власть проводит в жизнь решения Народного собрания и что она является полноправной народной властью. Они на деле узнали, какие широкие возможности открывает перед ними социалистический строй.

Сотни тысяч безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств наделены землей, ранее принадлежавшей польским помещикам и магнатам. Свыше 25 тысяч бескоренных и 10 тысяч безземельных хозяйств получили коров и лошадей. В помощь крестьянам советская власть направила агрономов, технику, инженеров. Создана 101 МТС. В западно-белорусской деревне, где прежде редко видели самопримитивное сельскохозяйственное орудие, орудие машинно-тракторные мастерские, гаражи, кузницы. При МТС вырастают жилые поселки с благоустроенными домами, клубами, банями.

На освобожденной земле крестьяне успешно провели первую большевистскую весну и собрали обильный урожай. Больше 29,3 тыс. индивидуальных крестьянских хозяйств обелились в колхозы. Наиболее передовые крестьяне, бедняки и середняки, участв в работе великого Советского Союза, выступают инициаторами организации колхозов и создают их.

Повсюду кипит напряженный творческий труд строителей новой, социалистической жизни.

Безработица была непременным спутником жизни трудящихся в польской Польше. Безработных в Западной Белоруссии было даже больше, чем работающих. Значительное число занятых трудом работало на полную неделю. Сейчас все это ушло в безвозвратное прошлое. Уже с первых дней своего существования советская власть в западных областях крепко взялась за ликвидацию безработицы. Быстрая реконструкция народного хозяйства на новой, социалистической основе обусловила непрерывный рост численности рабочих и служащих во всех отраслях хозяйственного и культурного строительства. Теперь с безработицей — этим тяжелым наследием капитализма — покончено.

Впервые западные области БССР имеют в этом году свой бюджет, составляющий почти 730 миллионов рублей. Из них 400 млн. руб. отпущено на социально-культурные мероприятия.

Расширение производства на более высокой технической основе, открытие новых фабрик и заводов идут быстрыми темпами. Только в капитальное строительство выделяется в 1940 году около ста миллионов рублей. Текстильный комбинат № 1 в Белостоке при власти капиталистов выпускал 250 тысяч метров ткани в год, а сейчас комбинат дает стране 1.200 тысяч метров ткани. Вся текстильная промышленность города выпускает в 1940 году 10,5 миллионов метров ткани, а в 1941 году она даст 18 миллионов метров. Лозунг, выдвинутый белорусскими текстильщиками — о превращении Белостока во второе советское Иваново, является ярким выражением бурного хозяйственного подъема западных областей.

Быстро растет стахановское движение, зомая старые взгляды на труд. Текстильщики переходят на многосменное обслуживание, железнодорожники успешно перенимают опыт кризисового транспорта. В соревнование имени Третьей Сталинской Пятилетки включились уже многие тысячи рабочих. На предприятиях открыты курсы по изучению техникума, школы социалистической организации труда, в которых обучаются тысячи рабочих.

Проведена большая работа по реконструкции водных путей. Заключено строительство Днепр-Бугского канала. Брест стал крупным портовым городом.

Чудные изменения произошли и в области культуры. Право на образование, великое право Сталинской Конституции — ощущает каждый трудящийся западных областей.

За год советской власти в западных областях развернута большая сеть белорусских, русских, еврейских, польских школ. Только по местному бюджету на 1940 год Барановичской области отпущено на народное образование 55.437 тысяч рублей, Белостокской области — 67.475 тысяч рублей и т. д. Количество неполных и полных средних школ в западных областях выросло в 13 раз. Здесь теперь имеются 5.633 школы, в том числе свыше 4.000 белорусских. В школах занимается 724 тысячи детей. В Белостоке созданы педагогическое училище и институт. Преподавание ведется на родном языке. Открыты 100 домов социалистической культуры, 7 театров и много других культурных учреждений. Только в одной Белостокской области теперь имеются театры — белорусский, русский, польский, еврейский, филармония, симфонический оркестр, ансамбль белорусской песни и пляски, музыкальное училище. Работают 250 кружков художественной самодеятельности.

В городах, районах и селах западных областей открыты новые больницы, амбулатории, аптеки. Трудящиеся обеспечены бесплатной медицинской помощью.

Свою первую годовщину освобождения трудящиеся западных областей БССР отмечают величайшими успехами, достигнутыми под солнцем Сталинской Конституции. Эти успехи убедительны и ошутимы. Трудящиеся западных областей знают, что в этих победах привела их партия Ленина-Сталина. Они горячо любят большевистскую партию, смело идут за ней, понимают правильность ее политики, полнок и полностью поддерживают ее.

Местечко Мир. Сентябрь 1939 года. Красная Армия вступила сюда в первый же день своего марша — в полдень 17-го. Разве можно было пережить ту лихорадочную радость людей! Все жители местечка, выйдя на улицу, встречали солдат, выходящих на улицу. Красных бойцов осыпали цветами, к ним протягивали руки, их обнимали. В это время на холме отделился высокий, худощавый человек с остановившимся лицом, выходящим на улицу.

— Товарищ командир, вы не из Смоленска ли? — Нет, не из Смоленска. Но бывал там, часто бывал. — Товарищ командир, вопрос у меня к вам. — Пожалуйста. — Брат родного оставил и там, 25

НА СНИМКЕ: в новобудованном селфакторе на хвосте Второго белостокского текстильного комбината. Фото А. Санира. (Фотохроника БЕЛТА).

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Теперь это наше советское село. Из окрестных деревень в помещичьи хозяйства заходят крестьяне. Беседуют о новой жизни, советуют по хозяйственным вопросам, спрашивают, какие новости... Нет больше помещика, жандарма, полицейского, неслыханная боязнь за завтрашний день, появились новые чувства, интерес, запросы.

Регулярно, два раза в месяц в Федковичском сельсовете собирается 40 активаторов. Они изучают важнейшие решения партии и правительства, а потом рассказывают по населенным пунктам и ведут политические беседы с крестьянами. В этих беседах довольно часто всплывают воспоминания о горьких и безрадостных днях, о тех черных днях, когда хозяевами жизни были фабриканты, помещики, чиновники.

Советская власть передала крестьянам Федковичского сельсовета 2400 гектаров помещичьей земли. Крестьяне и раньше работали на этой земле. Но плоды их изнурительного труда доставались не им, а чужакам.

Паны Зинковский, Альшевский, Ясенов, Влоцкий имели 809 гектаров земли. 300 гектаров лучшей земли принадлежали 30 кулацким хозяйствам, а 386 крестьянских хозяйств имели в среднем по 3 гектара земли. Причем помещикам принадлежали, конечно, наиболее плодородные участки.

Нобилисты крестьян за все; за протест против эксплуатации, за неуплату налогов и просто за то, что в послушании содержались. У барина Никифора Зинчука за неуплату налога и сопротивление при конфискации последнего имущества помещика убийца сына, разрушила дом, изрубила и сожгла весь домашний скот, всю одежду. Уезжая, полицейский с издевкой заявил:

— То, что мы за два часа уничтожили, Никифору Зинчуку за 20 лет не набить.

Но помещики не всегда прибегали к помощи полиции. Они и сами, чувствуя себя хозяевами положения, руководили, призывали, измывались над бесправной массой трудящихся. Крестьянина Григория Филиппа за то, что он ересь в панском лесу хранил, на отбоях, помещик Альшевский заставил 20 суток отработать в имении. Жестокость была властью помещиков и капиталистов, жестока, кровава, но не прочна: от первого же внешнего толчка польское государство распалось, как картонный домик.

— Как хорошо, что прошлое кануло в вечность и никогда не вернется, — говорят крестьяне... М. М. ГРИГОРОВИЧ.

Село Федковичи, Жабинковского района.

Работницы стахановских конвейеров № 6 и № 9 обувно-резиновой фабрики «Арда» в Лиде И. М. Гончаровская, С. О. Ботин, П. Г. Лидская (мастер ленты), Ю. О. Розысевич, М. С. Орловская, Н. З. Рыжовская и Х. Г. Кюм, выполняющие норму на 150—170 пар.

Фото Л. Малешича.

Красное знамя

Беру карту и черчу новые границы Советского Союза. Неостроит цветные поля республики, притянуто вытаскиваю узенькие змейки рек. Жирным шрифтом бегут по карте названия городов — Белоруссия. Где-то тут черной рукой знала линия бывшей польской границы. Где-то тут в лесной чаще польские часовые зорко следили: не прорылся ли кто-нибудь в густых зарослях машины, не ползет ли кто по топкой польской тропе, чтобы пробраться туда, где на полях козловых полей звучит напевная белорусская речь.

Год прошел, полесская чаща вновь пахнет грибами и листвой. Но пополнили тракторы мимо вырванных пограничных столбов, мимо опустевших польских застав, срыли вековые межи, срывали польские бинаки и широко дышат новой колхозной жизнью свежие поля.

Новая дорога бьет из золотистого песка, что добровольцы стахановский труд освобожденных деревень. И не хочется верить, что так недавно тут из бревен выросли баррикады, а в пикеты бастующих крестьян стояли о зорко кулацкие полки. Не хочется верить, что в 1937 году на саване смолот бревна длинной струйкой стекала с тропы кровей. Боролся, падали, вставали, вновь падали, на смену приходили другие...

В Супрасле в 1933 году во время всеобщей забастовки текстильщиков полиция убила несколько молодых рабочих. В том же 1933 году в Белостоке на пыльной загородной выезде женщины бесправно пошла на кордон военной полиции. В криках и покаянии копотинули сухие залпы выстрелов. Но работницы не сдавались.

В 1932 году, в мартовский туманный день рабочие забастовали в знак протеста против ликвидации социального законодательства. В 1934 году текстильщики всеобщей забастовкой отменили на полях реакции и установление нового порядка выборов в сейм. В 1936 году — протестовали против еврейских погромов. В 1937 году белорусские рабочие боролись за человеческие условия труда. Кроме этих героических схваток, протестов на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

Многочисленные кривые белорусские улицы, на каждой узине полуустаревшая фабрика, в каждом дворе гремат стаяны ткачей-кустарей. Раскинувшись на всю страну, каждая фабрика имела свою особую историю, историю длительной войны, беспрерывной и упорной.

ТЕКСТИЛЬЩИНИ БЕЛОСТОКА

1 октября текстильный Белосток был вызван к телефону крупнейшим текстильным центром Союза — городом Иваново. Братия по классу интересуются их жизнью. Белосток отвечает: теперь у нас жизнь. Белосток с удовлетворением сообщает: во временном управлении города работают наши, рабочие люди.

Завязывается дружба с ивановцами. Обмениваются письмами. Горькими, сердечными, задушевными письмами. Текстильщики Белостока учатся у ивановцев работать по-новому. Учатся строить новую жизнь. Те охотно передают белостокчанам свой богатый опыт.

22 октября. Исторический день. Открывается Народное Собрание Западной Белоруссии. Ему трудящиеся поручили решить важнейшие жизненные вопросы: вопрос о власти, о промышленности и банках, вопрос о земле.

Текстильщики спокойны: в Народном Собрании заседают сыны народа. Они правильно решат возмущенные представления текстильщиков. Глядя Влада-Марию Явучу, Станислава Мушиский, Женю Капкан, Сигизмунда Зиняка. Закончив работу, текстильщики спешат к помещению, где работает Народное Собрание. Возмущены. Ждут.

И вот дождался. В Западной Белоруссии — советская власть! Завтра в фабрике, земля и ее надра — достояние народа. Западной Белоруссии выдана в могучую семью народов СССР. Дождались того, о чем так долго мечтали!

Так началась новая жизнь белостокских текстильщиц.

Что видел пек белостокских фабрик раньше, при фабрикантах, тот не знает их теперь. Раньше была грязь, паутина, пыль, разбитые окна. Красными полами на каземах, в них можно было заложиться. И помимо всего этого — невообразимый хаос в технологическом процессе.

Теперь на комбинатах и фабриках наведен большевистский порядок. Всюду — чистота. Заменены новыми дровами, старые кирпичи. В порядок приведены станки и машины. Для рабочих открыты столовые, буфеты. Созданы медпункты, клубы, красные уголки. Социалистический порядок наведен на текстильных фабриках и комбинатах советского Белостока.

По-новому работают на своих предприятиях свободные труженики. Воль работа идет на себя. А на себя работать можно только хорошо и отлично.

Январь. Еще только начиналась работа по-новому. А ткач Мелемах уже тогда перешел на обслуживание двух станков.

Работать на себя, на свою родину нужно только отлично. Это значит — высокопроизводительно и высококачественно. И на обслуживание двух станков переходит ткач Стасюк. Духотворно становится и ткач Гершкович.

Так начинаются социалистическое соревнование текстильщиц Белостока. Так начинается здесь стахановское движение. Вскоре ткач Мелемах с двух станков переходит на обслуживание четырех станков. Такой же работы добивается и ткач Юшинский. Многочисленные обслуживающие участки сменили и ткачи. И сейчас многотоннажники в Белостоке уже 1500 человек.

На себя, на советский народ работают теперь текстильщицы Белостока. Прошло 8 месяцев 1940 года, и они уже дали стране 7.504,4 тысячи метров сукна. Всего за год будет выпущено 10,5 миллионов метров ткани! — Это в два раза больше, нежели выпускало ткани в год в условиях польской Польши.

Таковы результаты свободного творческого, сознательного труда, труда на себя, на свою родину.

Обылись мечты текстильщиц Белостока: они свободные труженики свободной социалистической страны! Вместе со всем советским народом их ведет к коммунизму большевистская партия, товарищ Сталин.

Вас. СУЛИМЧИК.

гор. Белосток.

Валентина НАЙДУС.

Люди освобожденной земли

Кто был ничем, тот станет всем!

... Люди пели свой гимн, они пели его вполголоса, протрунованно проносило каждое слово. Слова гимна шли из глубины сердца. Новых было немного — 10—12 человек, они давно знали друг друга, безгранично доверяли друг другу. Спаянные единой волей, едиными целями, они славой великого протестарского гимна выражали свою готовность к борьбе.

Их пришло немного на сходку, потому что собораться в условиях стройной конспирации представляло немалую трудность. Нагуду закрыли ставни, поставив сторожевых у дверей, они спускались в еле освещенное погребальное помещение и здесь, в тесном кругу единомышленников, забывали об опасности, которая подстерегала их наверху. Им хотелось хотя бы на миг оторваться от кровавой действительности, забыть о подпольном провозе. И когда они вполголоса загибали свою любимую песню, своей боевой гимн, когда они пели «Интернационал», — им казалось, что они уже достигли заветной свободы, и над их измученной, поруганной павами землей возилось красное знамя свободы.

Пели эту боевую песню белостокские ткачи, пели швейники, пели измученные непосильным трудом кожевники. Пели тихо, но дружно, глубоко переживая каждое слово:

«Кто был ничем, тот станет всем», люди эти тверже поверили в близость этой справедливой, исторической минуты.

Много лет назад написал Эжен Потье эти пламенные слова. Шли годы — песня Потье достигла небывалой известности. Она стала протестарским гимном, ее распевали на всех языках мира. С «Интернационалом» на устах людей шли в бой, с «Интернационалом» крошечные матросы штурмовали Зимний дворец, и когда над ним возвылось красное большевистское знамя, «Интернационал» зазвучал еще сильнее, еще призывней.

И тогда в власти пришли те, кто веками был ничем, кто веками угнетался, в власти пришли люди из народа — сыны бедноты, труженики городов и деревень. Пришли и навсегда утвердили свои исторические, неопровержимые права.

Местечко Мир. Сентябрь 1939 года. Красная Армия вступила сюда в первый же день своего марша — в полдень 17-го. Разве можно было пережить ту лихорадочную радость людей! Все жители местечка, выйдя на улицу, встречали солдат, выходящих на улицу. Красных бойцов осыпали цветами, к ним протягивали руки, их обнимали. В это время на холме отделился высокий, худощавый человек с остановившимся лицом, выходящим на улицу.

— Товарищ командир, вы не из Смоленска ли? — Нет, не из Смоленска. Но бывал там, часто бывал. — Товарищ командир, вопрос у меня к вам. — Пожалуйста. — Брат родного оставил и там, 25

ПИСЬМО К ДРУГУ

Мой дорогой друг!

Как видишь, мы не только давно не виделись, но и совсем почти ничего не писали друг другу до сих пор. Это, конечно, разная жизнь, с тобой прямо на ходу.

Ты помнишь, когда это было. Это было на шестой день после нашего выхода из тюрьмы. Навски памятью минуты — мы выходим в коридор. Тут вооруженные рабочие, обвешенные лентами патрона на поясах, с такими же красными ленточками и с звездами на фуражках. Они нас обнимают. Мы не раз мечтали с тобой в тюрьме о том, как будет происходить наше освобождение, целые ночи говорили о разных проблемах, а в душе нашей горела теплая мысль об освобождении.

Ты спал на самом краю нар, а я рядом. Ты не пускал меня на край нар, говоря, что здесь холодно, что я уже долго сижу в тюрьме, потерял много крови и т. д. Какая товарищеская забота! Эта забота у нас в тюрьме была прекрасным извлечением. Мы большим лаваши двойную порцию жиров, заботились о здоровье друг друга, учитывали нужды каждого, учитывали характеры. Мы всегда были полны мыслью о необходимости быть готовыми к великому делу — делу освобождения народов, и моральную дисциплину ковали каждый день.

Но что это со мной... Я уж куда-то заехал далеко в прошлое. Оно пришло и больше никогда не вернется! Да, не вернется! Мы разошлись с тобой на ходу. Я шел с одним капитаном-пограничником к нему в часть — рассказав о нашем кошмарном бытии. Мне помнится, что я был очень измучен. Я не ел целый день и, признаюсь, есть не хотелось. На мне еще была тюремная куртка и штаны. Капитан меня утешал папиросами. От курения у меня кружилась голова. А ты крикнул на ходу, что уезжаешь домой.

Как же ты теперь выглядишь? Наверное поправился. Я, знаешь, тоже поправился, хоть и не совсем. Польскую тюрьму, брат, не скоро забудешь.

Если бы ты меня спросил, какое мое самочувствие вообще, то я бы тебе мог только сказать — какое может быть самочувствие у человека, который шел через глухие лесные дебри, путался, шаркал себе лицо о кустарник, перелезал через поваленные деревья, зорко и чуть ли не глядя в землю, чтобы отсюда увидеть проблеск выхода, и, потеряв надежду скоро его увидеть, — вдруг неожиданно вышел на прекрасную поляну — опушку и стал как вкопанный. Понятно тебе это самочувствие?

Как освоится человеку с этой поляной? Земля дышит свежестью трав, разнообразием цветов, широтой неба. Вдаль видна дорожка к выходу в широкое поле. Знаешь, Митя — это дорога в жизнь, в действительную жизнь. Мы ведь в сущности, не жили, мы шли мимо жизни и для этой беспритворной дороги мы очень и очень редко, как бы утратились какой-нибудь цветком и это были незабываемые минуты в нашей жизни. Мы не раз о них тихо грустили.

Иду дорогой в жизнь, и все время должен удивляться тому или другому явлению. Ах, какие цветы растут там, где почва, кажется, была безжизненной! И иногда захожу на кирпичный завод, где знаком с одной работницей. Это уже пожелавшая женщина. Она работает на заводе тридцатый год. Последние три года при планской власти не работала, была нагнана с предпринятием, как инициатор забастовки. Управляющий завода ударил ее палкой по лицу и рассек щеку. Я всегда смотрю на этот храм на ее левой щеке. А теперь — ты бы посмотрел, что произошло с ней! Она председатель звонка. Вот она входит в рабочий клуб... «Почему не так висят портреты? Где уборщица — почему еще не замечено? Приготовьте лавки, будет лекция! Ты, Елена, зайдишь ко мне в канцелярию!» — бросает она уже на пути.

Нужно бежать на завод. «Товарищ директор, когда же мы откроем столовую, не нужно откладывать это дело? Удивляюсь ее неумолимости. Она в своей стихии. Вхожу один раз в ее комнату. Она не слышала, как я открыл дверь... Шла чай и одновременно пальцем водила по книжке. Когда я сказал «здравствуйте», она оглянулась. «Хорошо, что ты пришел, поможем разобраться с делом». С какой? — спрашиваю ее. «Знаешь, учусь, и времени нет — а должила. Вот задумала изучить арифметику и грамматику, география на очереди. Нет хуже, чем эта арифметика. Скорей покажи мне, как решается эта задача».

Я смотрел на эту женщину, уже с морщинами на лице, и ощутил какой-то особый аромат жизнерадостности. Да, я тебе покажу не только одну задачу. Могу

решить все! — засмеялся я. За чаем мы решали с ней задачу. Это был обещанный перерыв. Она начала мне рассказывать о своих стахановцах и потом серьезно проинтересовалась: «У меня работа строго стоит. Мы добиваемся дисциплины во всем». Ты слышишь, Митя, какая высокая степень сознательности у этой женщины!

Не так давно я был на детской олимпиаде. Ты знаешь, что я очень люблю детей. Как трудно предполагать, что за такой короткий срок нашей «свободной» жизни можно достичь таких обширных результатов. Ведь это, Митя, трудная работа. Она требует точной организации. И, как видишь, достижения попросту говоря — огромны. Говорю это тебе без всяких преувеличений.

Олимпиада открывала маленькая, маленькая девочка одетая очень солидно, как хозяйка. Она танцует, в такт музыке, размахивая своей маленькой ручкой. Театр весь замер от этой картины. А потом пошли песни: хорошие, хорошеющие, песни в единичку. Я не забуду одной девочки — ей было не больше 9-ти лет — как она пела! И какая смелость на сцене. Можно прямо сказать, что это будущая артистка. Она пела:

«Брасавца народная,
Как море поновная,
Широка, глубока, сильна...»
Это — Волге. Затем пошли народные

танцы. Белорусская «Лявониха», польский «Браковик» и другие, а национальных костюмах. Декламация, художественное чтение, физкультурные номера, музыка. И это за короткий срок существования советской власти в западных областях. Это в городе.

Но был я и в деревне. Знаешь, ведь, что деревня — моя стихия. Люблю деревню не только потому, что я сам крестьянин, но по той непонятной искренности выявляя чувства, по бесхитростности, по природной простоте и полноте людей, смеющихся свежей и радостной улыбкой полей.

Пришлось мне видеть и самостоятельность белорусской деревни. Что за красота! Эти народные костюмы, вышитые кофточки, толстые юбки — как они красивы! Люблю цветные платки, такие же яркие и светлые румяные, как щеки их владельцев. Глаза у всех в танцах разгорались. Движения не лишены искренного размаха. Но вместе с тем — это — грация. Когда слышу белорусскую народную песню, мне вспоминается то, что бесподобно красиво, это правильно, это верно. И в условиях нашего второго рождения (именно «второго рождения») эти песни разносят думы народа, еще больше подчеркивают разницу между грустным прошлым и счастливым настоящим.

Будучи в деревне, я обошел несколько колхозов, наших молодых колхозов. Помню, еще в тюрьме мы изучали коллективизацию по тем отрывочным данным, которые к нам просачивались. Конечно, мы знали общую линию. Теперь приходится столкнуться вплотную с этим великим преобразованием. Наша машина летела как стрела по прямому шоссе, минуя переделки, лужайки, поля и леса. Я люблю ездить родными дорогами, как раньше я любил копать. Эти дороги мне приходилось измерять в разных выездах.

Богдан работал на своем домовом крошечном хозяйстве, то ездил на домашней лошади. Именно на домашней, ибо иначе ее и назвать не могу. Это не была лошадь, как например, в плену, такая горделивая, как и сам пав. Это же была лошадь кулака — дикая, оторванная, нахальная. Это была лошадка бедняка, белорусская бедняка, — лошадка скромная, уступчивая, тихая, трудолюбивая. Она чувствовала нужду своего хозяина, чувствовала его настроение и всегда старалась изо всех сил работать, чтобы хоть отчасти порадовать трудящегося. Хозяин трудился не меньше ее, они в труде были равны и дружны. Приходилось идти этими дорогами и пешком десятки километров с котомкой на плечах, куда-нибудь на заработки — плыть поам лес, или на лесозаготовки. А потом... потом приходилось мерить дороги в лаванде под охраной польской охраны.

Шушу на дорогах советские машины. Наша машина свернула с шоссе влево, на проселочную дорогу. Мой сосед, секретарь райкома, толкает меня в бок и говорит: «Едем уже по полям колхоза». Машина поднялась на возвышенность, откуда на нас таяла предстала такая картина.

Большая группа женщин и девушек сидела картофель, другая группа разбрасывала навоз. Мужчины возили навоз и картофель. Это были колхозники. Я попросил вести машину медленней. Земля чистая, рыхлая, встает таким знакомым паром земли. С левой стороны колхозники селили овес. Мы припомнили слова из стихотворения Янки Купалы «Сябры».

«Влаженцы у зямлю адрэты спаты»...

«А яна, як пыха бярэла тая, стаяла, за сяброў сядзіла»...

Нет, она, труженица-хозяйка, уже не стоит в конце полоски над пудом зерна, следя, как ее муж пошел по борбору «штурку» разбрасывать рукой худые зерна.

По широкому полю идет семья, запряженная парой лошадей. Ровные поля, сколько пота и слез пролил наш народ на вас, сколько грустных песен сложили из поколения в поколение, — тесен полных безысходной тоски и горя? А теперь крестьянин, — «затюженник», как презрительно называли его паны, стал богачем над богачами, стал коллективным хозяином полей и лесов. «Что был ничем, тот станет всем» — мне хотелось выйти из машины и включиться в работу вместе с колхозниками.

Богдох на полях бывшего пана. Засаживаем во двор именья, теперь тут правление колхоза. Осматриваем пасеку, сад, коноплю, огород. Обеденный перерыв. С песнями возвращаются девушки с работы. Я иду к ним навстречу. Приблизившись, они затихают, здороваются со мной. Сколько свежести полей на их лицах, сколько радости свободной труду!

Странно: не пропал ли у них трудный, легкий ли им работать, что они хотели бы иметь в колхозе. На последний вопрос ответили все: «Ой, мы многого хотим бы иметь!» и расходились.

— Может, женихов?
— Все хочут.

— Нет, женихов хоть по дороге соби-рай!

— Ну, так что же?

— Клуб надо и радио!

Мне хочется говорить с ними бесконечно, но время уходит. Я захожу в правление колхоза. Председатель дает мне трудовые книжки для просмотра, знакомит с инструментом труда. Один чрезвычайно интересный факт вывалился во время беседы. На столе лежала написанная бумажка с отпиской печати. Присматриваясь к печати — печать сельского ревкома. Председатель открывает мне тайну

— это печать ревкома времен 1919 года. Он тайно хранил эту печать и при панах, будучи уверен, что еще пригодится. И вот для нее напалась работа. Это хорошая печать. Она как бы выражала чаяния белорусского народа, который в полночь ожидал радостной минуты освобождения и воссоединения с великим советским народом.

Обо всем не напишешь, всего не перескажешь, что творится на обновленной земле. Возникли бы белорусский язык — наш родной, отцовский и материнский. Мы боремся при панах за каждое родное слово и видели, как на ваших глазах по-работника пытались уничтожить душу народа, его обогащенную веками культуру. Мне при этом вспоминается всегда великий Пушкин:

«Языки есть исповедь народа,

В нем слышится его природа,

Его душа в быт родной».

Белорусский язык расцветает, обогащается. Мне нравятся наши газеты. В них красивый белорусский язык — язык чистый. Это — очень приятное явление.

Самая тяжелая вещь — это, брат, человеческая психика. Гору можно взорвать динамитом, переделать ее на желаемый лад.

А человека надо переделать словом и делом. Легко переосмысливается человек, когда видит, что слово сходится с делом.

Это основа ленинзма в практике. Но ты посмотри, что сделано за год советской власти с человеком. Сама практика советской власти уже влияет на человека. Ты чувствуешь, куда я мчу! Шовинизм польских панов — не в руки народу — он испаряется. Тут на каждом шагу убеждаешься в крепости дружбы народов. Душа радуется, когда видишь, что белорусская, польская, еврейская и русская молодежь вместе поет одну песню. Разве я не вижу в ЗАГС'е, как идет регистрировать свой брак белорус с еврейкой или русский с полькой. Для азиатских мест это колоссальный прогресс. Эти изменения — результат новой жизни. На развалинах тюрьмы народов — планской Польши возникла великая дружба народов.

И хочется, Митя, погрузиться в долины времен и ковать поэзию для нашего славного великого времени. Растет и будет расти новый человек, полный гармонии, полный всеосторожного здоровья и красоты, лишенный уродств, нанесенных ему капитализмом.

Приятно год спустя написать тебе душу в этом длинном письме. Год для нас с тобой, для всего освобожденного народа — это год радости и счастливой жизни. Эта жизнь и впредь будет литься и приносить свои плоды. Настоящая жизнь цветет под сталинским солнцем.

Ну, прощай! До следующего письма.

Твой Филипп ПЕСТРАК.

НЕВОЗМОЖНОЕ СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ

В первые же часы после прихода Красной Армии я, простой чернорабочий, работающий в течение 10 лет только по полтора-два месяца в году — получил постоянную работу.

Уже 23 сентября был организован кондукторский резерв на станции Брест-Центральный. Радость, которую я переживал в эти дни, может чувствовать лишь человек, всю жизнь хныкавший в поисках работы и не находивший ее.

В кондукторском резерве в качестве нарядчика я проработал до 30 декабря 1939 года. Этот декабрьский день принес мне новую радость.

За хорошую работу меня послали на курсы железнодорожников при институте инженеров железнодорожного транспорта имени Л. М. Кагановича в город Днепрпетровск. Сначала не верилось, все казалось сном. И вдруг, я увидел сверкающий огнями шумный советский город. Просторные светлые залы института, бесплатное учение, питание, плюс к этому денежная стипендия с сохранением заработка по месту работы.

И это был не сон, а советская действительность. Окончив курсы, я стал командиром железнодорожного транспорта. Советская власть обеспечила мне право на труд, отдых, образование. Я стал полноправным гражданином великой страны социализма, активным строителем коммунистического общества. Сознание всего этого придает мне еще больше энергии в работе на благо своего народа.

П. И. ДУДИН.

Денатурный по вокзалу станции Брест-Центральный.

Константин ТИТОВ

ДЕВОЧКА РИМА

Ни коротки,
Ну, вот ни коротки хлеба,
И в школу —

Сентябрьское хмурое небо:
Ночлега нигде подходящего нет.
А ей через месяц —
Одиннадцатый лет.

Идет она лесом,
Травинки срывает
Березам и соснам
Иа подпевает
Иа титанам,
Летящим над лесом гурьбой,
Кричит:

— И меня заберите с собой!
Но тыши в ответ:
— Подрасти хоть немножко —
Без папы и мамы
Нельзя тебе, крошка...

Ат, титаны,
Наверно они позабыли,
Что папа мой в ссылке,
А мама — в мотелье...
Глядит — за спиной у ней
Льва крылья,
Возмущая ими,
К тучам она поплывала.

И хоть над лесами
Нелегко ей путь,
Хоть близится вечер —
Не отступлю, ничуть.
А ветер и тучи
Пронесут мимо:
— Ай, унылая, Рима!
Ай, смелая, Рима!

Но вдруг нету крыльев,
Вокруг — тишина,
И падает камнем
На землю она,
Не может от страха
Открыть своих век.

Открылась —
Ступил перед ней человек.
Звезда на фуражке.
И лету орла:

— Скажи, как прячет
Дойти до села?..
И девочка путь
Указала рукой,
И тихо спросила:
— А кто ты такой?..

А он улыбаясь ей
Сопливым глазом:
— Я — счастье,
Боготого вету у нас...
Махнул он рукою —
Сказал пару слов —
Посыпался звездой
Из близкого восток.
Их всех у опушки
Собрали командиры,
И девочка Рима
Пошла вперед.

Кустарник,
Болото,
Синеет река,
Село принялаурислось
Издалька
И будто моргает:
«Постой! Не беги!
В кустах, у села,
Пригласил враги».

И прогнуло ершце у Рима.
Но вот
Запрыгал в полях
Хочоха, пузленет.
И Рима вразумлась
Вперед, на бегу:
«Не тронь! И счастье
С собой веду!»

Но ноги ослабли,
Не выпрямить ног,
И Рима упала
Тропе поперек.
И тело астыло,
Линь в сердце жило:
Пускай я погибла,
Но счастье... пришло...

Под лесом зеленым,
У стыка дорог —
Заросший травой
Небольшой буторок,
Восенние ветры
Пронесут мимо:
— Ай, славная, Рима!
Ай, смелая, Рима!

Бывший батрак Н. А. Снарский сам овладел трактором. Сезонную норму он выполнил на 270 процентов.
НА СНИМКЕ: Н. А. Снарский за рулем (колхоз имени Сталина, Заблудовского района, Белостокской области).

Фото Л. Мазелева.

РАСПАХАННЫЕ МЕННИ

Двери тихо закрывали на ржавых петлях и осторожно закрывали. В сеновале темно и душно. Тенный воздух густо напоен ароматом сухого сена, пахнет черепом, зрелым хлебом. В углу через щели крыши видно светлое небо.

Над засремавшим глубоким прудом, широким полем ходит полная луна. Стоят хорошие, теплые ночи, золотые дни, которые так редко здесь бывают осенью. Хорошее время! Счетовод колхоза Николай Дуко с утра широко раскрывает окошко в сар. Так споро работает. А работы много. На столе груда папок — «приходная», «расходная», «инвентарная». Дела все прибывает. Озабочен счетовод: как справиться с ним, не имея опыта? Хорошо бы хотя на неделю в восточные районы поехать, поучиться там у опытного счетовода старого колхоза...

А в первое время было совсем легко. Временами Николай Семенович даже томился без дела. На полях лежали тогда всего лишь две папки — инвентарная ведомость имущества колхоза и папка для разных дел. В ведомости значилось: одна разбросанная селка, грабли конные, соломорезка, четыре плуга, молотилка. В папке был подшит протокол первого собрания граждан деревни, где обсуждался вопрос об организации колхоза. За колхоз тогда выступило 30 человек. Они единогласно постановили: «Работать всем хорошо — и чтобы в колхозе не было кумовства».

Б весне в колхоз вошло еще несколько семей. Николай Дуко вписал в ведомость еще несколько плугов, борон, лошадей. Пришла посевная, и счетоводу сразу прибавилось работы. Он стал и учетчиком, и организатором, и агитатором. Часто брался и не за свои функции — увлечен был делом старик Дуко.

Люди вышли в поле на пахоту. Впервые в своей жизни пахали они оплошную землю. Сносили известные бурьянистые межи. Паути шли вдоль и поперек.

А председатель колхоза Владимир Мамончик — энергичный, жизнерадостный человек, все подбавлял оживляющих, призывал их смелее и крепче становиться на колхозный путь.

— Будет вам уж плакаться о межах. Меньше меж оставим в поле, больше хлеба будет в амбарах!

А сомнения росли, что-то шептало в ушах молодых колхозников. Хорошо работай, например, колхозник Михаил Шинь. И вдруг человек стал делать частые прогулы. Он начал часто ходить «брыться» в дом кулака, приходя на работу мрачным. Переловые колхозники, среди них и сосед Михаила — Гавриил Мамончик, хорошо работали. Это был основной костяк колхоза. Михаил начал обходить теперь этих людей, хотя в душе он им завидовал. «Может быть, в самом деле, они идут правильной дорогой, а я, наславившись рассказов богатых, свихнулся, заблудился? А если они работают напрасно, и к осени будут ни с чем? Как тут угадать?»

И вот после долгого перерыва Михаил решился пойти к соседу.

— Ну, как живешь, сосед? Небось все потянешь на тухом поле, — глухо спросил он Мамончика.

— На колхозном, на нашем поле работаем, — ответил Гавриил.

— А я вот болел немного, не хочу работать. Да и стоит ли ходить. Говорят, что не бунет из этого ничего.

— Я знаю, откуда это у тебя. Не ходи ты, Михаил, «брысь» туда, — уткнувшись сказал ему сосед Гавриил Мамончик. — Брось цепляться за вулканскую почву, ходи ко мне, а тебя «побрею», — добавил он смеясь.

— Может, ты и прав, сосед, — подумал.

Назавтра, с утра Михаил Шинь одним из первых пришел на колхозный двор, попросил у бригадира работу. А сейчас он является одним из лучших стахановцев колхоза. 66 колхозных семей сельхозартели «17 сентября» работают дружно и споро. Земли в колхозе порядочно, за 500 га перевалило. И все она обработана отлично. Собрано 100 пудов урожая с га. Старожилы не помнят такого урожая на этих местах. Амбары полны хлеба и другого добра. Обязательства перед государством успешно выполнены. Николай Семенович — счетовод — занялся подсчетом трудностей: что получают колхозники за свой труд. Среди многих имен колхозников, вписанных в книгу, значится и имя колхозника Михаила Шинь. Он вместе с женой выработал 350 трудодней и получил 6,5 тонны хлеба да около 4 тонны картофеля. Кроме того, он получил и немалую толику денег.

Председатель колхоза сообщил об этом колхознику Михаилу Шинь и предложил ему познакомиться с помещением для селки зерна. И это было весьма кстати. Безопашатный крестьянин-бедняк, он раньше никогда не собирал больше 5—6 центнеров зерна. Все собранное за год у него помещалось в 2—3 калаша, а теперь вот столько привезло! Не обманул, значит, колхоз...

7 килограммов одного только хлеба дают на трудодень в колхозе им. 17 сентября. Об этом уже знают и в соседних деревнях. Люди интересуются, как это вышло, детально выясняют, — не обман ли? В последние дни крепко стал интересоваться делами колхоза и одиночки-середняк Григорий Есюк.

— Ну, как у вас там, — низко кланяясь при встрече с бригадиром Лаврентием Бурак, спрашивает он, — будет толи какой у вас?

— Почему же нет? Лучше чем у вас, — смеется бригадир.

— А верно это, что хлеба столько даст?

— Верно.

— Гм, стоящее дело. На своем хозяйстве столько не получишь. Получаем, получаем...

Много таких встреч бывает ежедневно у руководителей колхоза с крестьянами-единоличниками. Все больше танцуют они в колхоз, в артельное хозяйство.

Г. КОРСИН.

Болхоз им. 17 сентября, Мирского района.

СЕРДЕЧНОЕ СПАСИБО

35 лет тяжелой батрацкой жизни провел я в имении помещика Вульфорта, а когда я ослепел, выбыл из сил, помещик мне сказал:

— Иди, ищи себе работу где хочешь, а в имении твою и духу твоего не было. Но работы я так и не нашел. Кому был нужен старый, потерявший силы батрак?

Казалось, что из тупика, в который загнала меня старость, нет никакого выхода. И вдруг выход неожиданно нашелся. В памятные сентябрьские дни пришла Красная Армия. Я вернулся опять в помещицкое усадьбу, только не как батрак, а как полноправный хозяин.

Зимой, когда в нашей деревне организовывался колхоз, я одним из первых вступил в него со всей семьей. Сначала работал на разных работах, а с мая месяца мне колхозники доверили ответственное

дело — пастибу колхозного скота. Я прилагаю все усилия к тому, чтобы хорошо выполнять порученную работу. Ведь работаю я на себя, на колхозник, а не на пана-кровососа.

По-ударному работают и мои соседи. Вместе мы заработали 504 трудодней. За свою работу мы уже получили 2.529 кг. хлеба и 1118 рублей 88 коп. деньгами. А в конце года, я знаю, получим еще больше разных продуктов и денег. Столько хлеба и денег я за всю свою жизнь не видел. За это сердечное спасибо советской власти.

Ф. С. ГРИЧУК.

Колхозник сельхозартели имени 17 сентября Высоковского района.

Советская Белоруссия

№ 215 17 сентября 1940 г. 3

Группа комсомольцев-студентов Белостокского Государственного педагогического института. Фото А. Сапфа. (Фотохроника БЕЛТА).

